

ДИСКУРС КОНФОРМИЗМА В ВОПРОСЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: МЕЖДУ РЕАЛИЗМОМ И ЛИБЕРАЛИЗМОМ



Ян Юрьевич Моисеенко,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
yan.moiseenko@mail.ru

Получена 17.07.2023.

Поступила после рецензирования 05.09.2023.

Принята к публикации 14.11.2023.

Для цитирования: Моисеенко Я. Ю. Дискурс конформизма в вопросе международной интеграции: между реализмом и либерализмом // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 4. С. 162–176. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_4_162

Аннотация

Противоречивость современного миропорядка наводит исследователей на мысль, что интерпретацию некоторых его проявлений имеет смысл искать не только в традиционных дискурсах. В статье предлагается рассмотреть концепт международной интеграции через призму дискурса конформизма, поскольку комплексно описать сложный процесс интеграция суверенных государств сегодня возможно только в рамках междисциплинарного подхода. Важную роль в разворачивании дискурса конформизма в социологии международных отношений играет теория аксиологического онтологизма. Встав на ее позиции, исследователи получают возможность осуществить транспозицию концепта «конформизм» из сферы социальной психологии в предметную область социологии международных отношений. Этот перенос приводит к смещению смысловой нагрузки самого концепта: в новом прочтении конформизм может трактоваться как склонность государства переформатировать свои ценности, выбирать стратегию поведения на мировой арене вследствие давления со стороны «международного сообщества». Однако важно учитывать, что различ-

© Моисеенко Я. Ю., 2023



ные теории международных отношений дают возможность апеллировать к разным дискурсам конформистской ориентации. По мнению автора статьи, нормативный конформизм больше соотносится с неореализмом, в соответствии с которым субъекты международных отношений склонны включаться в интеграционные процессы в зависимости от конъюнктуры внешней среды, при этом на уровне ценностной ориентации они не готовы поступиться своими интересами ради символического «единства». Дискурс информационного конформизма представляется целесообразным развивать с позиций неолиберализма, который рассматривает субъектов международных отношений, глубинно усваивающих ценности «мирового сообщества» и принимающих его установки через интеграционные практики.

Ключевые слова:

международные отношения, социология международных отношений, международная интеграция, неореализм, неолиберализм, дискурс конформизма, аксиологический онтологизм.

UDC 327.5+339.924

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_4_162

CONFORMITY DISCOURSE IN THE ISSUE OF INTERNATIONAL INTEGRATION: BETWEEN REALISM AND LIBERALISM

Yan Yu. Moiseenko,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
yan.moiseenko@mail.ru

Received 17.07.2023.

Revised 05.09.2023.

Accepted 14.11.2023.

For citation: Moiseenko, Y.Yu. (2023). Conformity discourse in the issue of international integration: Between realism and liberalism. *Discourse-P*, 20(4), 162-176. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_4_162

Abstract

The inherent contradictions of the modern world order prompt researchers to seek interpretations for some of their manifestations beyond traditional discourses. The article proposes to examine the concept of international integration through the lens

of the conformity discourse, since it is possible to describe such a complex process of today's integration of sovereign states only within the interdisciplinary approach. The theory of axiological ontologism plays a crucial role in unfolding the conformity discourse within the realm of the sociology of international relations. Guided by this theory, researchers have the opportunity to transpose the concept of conformity from social psychology into the subject area of the sociology of international relations. This transposition leads to a shift in the semantics of the concept: conformity might be interpreted as the inclination of a nation state to reshape its values and change a behavioral strategy on the world stage under the pressure of the "international community". However, it is essential to take into account that different theories of international relations make it possible to appeal to various conformity discourses. According to the author, the normative conformity aligns more with neorealism, since this theory considers actors of world politics to be engaged in integration processes based on the political environment, without being prone to sacrificing their interests for the sake of symbolic "unity". The discourse of informational conformity is advisable to be developed from the standpoint of neoliberalism, which regards actors of world politics as assimilating values of the "international community" and accepting them through repetitive integrational practices.

Keywords:

international relations, sociology of international relations, international integration, neorealism, neoliberalism, conformity discourse, axiological ontologism.

Введение

В современном мире наблюдается во многом парадоксальная тенденция, когда интенсивное развертывание интеграционных процессов не приводит к исчезновению региональных различий или хотя бы сглаживанию значимых противоречий между главными акторами мировой политики – суверенным государствами. Напротив, тенденция, которую принято концептуализировать в терминах глобализации, соседствует с обострением национальной повестки «на местах», ресурсом для чего выступает (зачастую иррациональная) попытка обнаружить в недрах собственной истории ни на что не похожие, тысячелетние традиции. Эта контртенденция описывается уже в терминах глокализации.

Однако противоречивость международной интеграции проявляет себя не только в амбивалентности глобализационных процессов. Парадоксальным образом практика делегировать полномочия по решению общих стратегических вопросов надгосударственным образованиям сочетается с практикой принимать «совместные» решения без участия этих образований, т.е. вне правового поля. Наиболее яркими примерами является наложение санкций на суверенное государство в обход норм действующего международного права, культура отмены, или культура исключения (англ. *cancel culture*), проводимая группой государств

в отношении одного или нескольких суверенных государств, и т.п. Реальные случаи подобного межгосударственного взаимодействия наводят на мысль, что на современном этапе развития социологии международных отношений возникает потребность пересмотреть сам феномен международной интеграции. В частности, интенсификация и необычные проявления интеграционных процессов подталкивают исследователей-международников искать новые интерпретации их философских оснований, в том числе расширяя пределы традиционных для проблематики интеграции дискурсов экономического детерминизма, геополитики, теории зависимости, функционализма или исторически сложившихся культурных связей между странами.

В настоящей статье поставлена цель предложить дополнительный ракурс, с позиции которого осмысление международной интеграции происходило бы на междисциплинарном уровне – на стыке политической онтологии, аксиологии и социальной психологии. Этим ракурсом может стать дискурс конформизма, посредством которого, на наш взгляд, возможна интерпретация некоторых мотивов акторов мировой политики к объединению или заключению союзов против других акторов. Элемент научной новизны видится в выявлении у процессов международной интеграции конформистских оснований, однако невозможно интуитивно перейти к разворачиванию дискурса, связанного с проблематикой конформизма, не осветив методологии, с помощью которой можно осуществить имплементацию этого концепта в предметную область социологии международных отношений. Ведь на первый взгляд у исследователя может сложиться впечатление, что понятия «конформизм» и «международная интеграция» сформулированы на непересекающихся плоскостях, в связи с чем не существует инструментария, с помощью которого можно было бы свести их воедино.

Действительно, если кратко резюмировать историю вопроса, формально концептуализация конформизма проходила на двух уровнях: в рамках социальной психологии и социальной философии. И в том и в другом случае определяющим был личностный фактор, т.е. в фокусе внимания всегда находилось поведение отдельного индивида и комплекс его ценностно-нормативных ориентаций (Андромонов, 2016). Что касается международной интеграции, то она рассматривалась, прежде всего, как экономическая интеграция государств или регионов, которая разворачивается в международно-правовой плоскости, т.е. в этом случае фокус внимания исследователя направлен преимущественно на национальные государства Модерна (англ. *nation states*), которые достигли определенной степени внутреннего национального единства и демонстрируют готовность перейти на следующую, более высокую ступень организации во имя общих с другими государствами целей (Чунихина, Косык, 2015).

Здесь важно принимать во внимание, что в отличие от концепта «конформизм», понятие «интеграция» до сих пор остается довольно расплывчатым (Султанов, 2011). Возможно, это произошло в силу того, что интеграция стала предметом изучения большого числа дисциплин – от геополитики до культурологии, каждая из которых привнесла дополнительные смысловые пласты. Однако исследователи конформизма, будь то социальные психологи

или философы, обращаются к проблематике ценностей, которые меняет индивид под воздействием группового давления (Дюркгейм, 1995). Социологи (и теоретики) международных отношений, изучая природу интеграционных процессов, также выходят на указанную проблематику. Так, в рамках формального контент-анализа ряда документов, лежащих в основании международной интеграции, например, Лиссабонского договора¹, или в ходе куда более комплексных, деонтологических исследований архитектуры международных отношений, где интерпретации союзов между акторами может быть дана с позиций этики И. Канта (Gorshenev, 2018).

Таким образом, вырисовывается общее исследовательское пространство для сведения двух концептов – ценностное, однако по-прежнему необходим некий синтезирующий элемент, который позволил бы нам развернуть понятие конформизма в сфере международной интеграции. Рискнем предположить, что таким элементом может выступить теория аксиологического онтологизма, рассматривающая ценности в качестве фундаментального аспекта бытия – особого феномена, посредством которого проявляются его атрибутивные качества (Худякова, 2010). Предпочтение отдается именно этой теории, поскольку среди известных аксиологических подходов (аксиологический трансцендентализм, нормативизм, психологизм и т.д.) именно она способна выступить «общим знаменателем» для согласования трактовок разных философских направлений.

Основные идеи аксиологического онтологизма развивались в начале XX столетия немецкими философами Н. Гартманом (2008) и М. Шелером (Дорофеев, 2011). Они отстаивали взгляд на развитие индивидуальной личности как имманентного элемента окружающего мира, соответственно, залогом формирования ее ценностной ориентации выступали отношения с этим миром. Даже столь краткое и во многом поверхностное описание этого метода познания человека позволяет сделать вывод о его близости позднему феноменологическому подходу их современника Э. Гуссерля, который получил полноценное развитие в 1920-е гг. в работах М. Хайдеггера (Heidegger, 2001). Феноменологический подход, в свою очередь, важен в философском осмыслении конформизма. Кроме того, его связь с традициями аксиологического онтологизма позволяет создать инструмент для вскрытия проблематики конформизма в поведении национальных государств на международной арене.

Помимо феноменологического подхода, в работе используется дискурсивный метод, ведь речь неслучайно идет о конформизме в сфере международной интеграции. С его помощью, на наш взгляд, можно обнаружить проблематику конформизма внутри дебатов между апологетами различных теорий международных отношений. Важную роль в исследовании играет и структурный функционализм, позволяющий выявить структурные особенности международной интеграции и нивелировать разницу между главным объектом внимания

¹ Барабанов, О. (2021, 21 сентября). *Ценности и интересы в мировой политике*. Международный дискуссионный клуб «Валдай». Взято 15 июля 2023 с <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tsennosti-i-interesy-v-mirovoy-politike/>

в классических исследованиях конформизма (индивидом) и традиционным объектом внимания социологии международных отношений (национальным государством).

Результаты исследования

О теории аксиологического онтологизма. Прежде чем переходить непосредственно к результатам исследования, необходимо пролить свет на связь положений аксиологического онтологизма и феноменологической традиции. В качестве смыслообразующего концепта здесь выступает «жизненный мир» (нем. *Lebenswelt*, англ. *life-world*), с помощью которого Э. Гуссерль описывал предметный мир, окружающий человека и осознаваемый им в повседневном мышлении (Херрманн, 2000). Заметим, что если на уровне гуссерлевского понимания мира еще прослеживалось противопоставление субъекта как источника интенций (направленности внимания вовне) и объекта (окружающей действительности в вещном измерении), то уже в хайдеггеровском концепте «бытие-в-мире» (нем. *In-der-Welt-sein*, англ. *being-in-the-world*) субъект-объектная топика снимается окончательно (Heidegger, 2001). Таким образом, именно «бытие-в-мире» в большей степени подходит, чтобы стать условной точкой отсчета для объяснения «зонтичного» характера ценностей в рамках аксиологического онтологизма. Ценности здесь вырабатываются не каждым человеком индивидуально (как принято полагать в аксиологическом психологизме), но также и не задаются ему извне (на чем настаивает аксиологический трансцендентализм), а становятся результатом закономерного развертывания бытия определенной картины мира.

На наш взгляд, экстраполяция положений аксиологического онтологизма в предметную область теории международных отношений открывает возможность анализа политических процессов с точки зрения реформативности ценностей и установок, традиционно присущих тому или иному обществу, вследствие глобальных изменений в развертывании собственно мир-системы. При этом необходимо учитывать, что основополагающие ценности не исчерпываются фактическим бытием общества в «жизненном мире», т.е. они не могут быть сформированы в одних лишь повседневных практиках. Их пересмотр всегда связан с радикальным, глубинным переключением режима экзистирования *Dasein* между неаутентичностью (нем. *Uneigentlichkeit*, англ. *inauthenticity*) и аутентичностью (нем. *Eigentlichkeit*, англ. *authenticity*) (Heidegger, 1989). Именно в этом моменте обнаруживается выход на интересующую нас проблематику, потому что переключение режима экзистирования – достаточно болезненный процесс, он часто сопряжен с переживанием состояния, которое в социальной психологии описывается через концепцию аномии. Последняя, в свою очередь, непосредственно связана с проблематикой конформизма.

Концептуализация конформизма в области международных отношений. Начало концепции аномии было положено в работах Э. Дюркгейма, тогда как детально обосновал ее значение в контексте социокультурной структуры

общества американский социолог Р. Мертон. Согласно его теории, аномию следует понимать как «распад в культурной структуре, происходящий при условии категоричного расхождения между культурными нормами и социально структурированными возможностями членов группы действовать в соответствии с данными нормами культуры» (Мертон, 2006, с. 283–284). Следствием подобной дезинтеграции социальной и культурной ипостаси жизни общества становится неспособность социальной структуры должным образом фильтровать внешние ценностно-нормативные паттерны. Это ведет не только к дезориентации личности в социальном пространстве, но и к фрагментации ее культурной идентичности, что, в свою очередь, открывает дорогу к конформизму как эффективной стратегии адаптации к неустойчивым, переменным условиям внешней среды.

Представляется, что транспозиция концепта из сферы социальной психологии в область международных отношений может быть осуществлена с двумя результатами – разного масштаба и значения. По меньшей мере может быть предложено определение, согласно которому конформизм трактуется как склонность того или иного субъекта мировой политики изменять ценностную ориентацию и стратегию поведения вследствие реального или опосредованного давления некоего «международного сообщества». При более смелом подходе, что уже претендует на всеобъемлющую интерпретацию феномена, конформизм может выступить в качестве адаптивной стратегии поведения государств на международной арене.

Так или иначе, в этой логике представляется возможным интерпретировать различные классификации конформизма, данные классиками социальной психологии, в том числе С. Ашем, Л. Манном, С. Милграмом (Milgram, 1963). К примеру, Л. Манн предложил классификацию, связанную с глубиной принятия установок малой группы индивидуумом, в нашем случае – субъектом международных отношений, т.е. государством. Дело в том, что при особых обстоятельствах люди склонны подчиняться чужому мнению, даже если очевиден факт, что оно ложно (Копец, 2010, с. 88). Объясняется данный феномен тем, что заведомая ложь, совпадающая с мнением большинства («мирового сообщества»), может быть более выгодна, чем правда, поэтому элиты, определяющие политику государства на международной арене, предпочитают проявлять конформизм.

В подходе Л. Манна разделяются нормативный, или внешний, конформизм (англ. *normative conformity*) и информационный, т.е. внутренний конформизм (англ. *informational conformity*). В первом случае индивид внешне выказывает солидарность с выбором большинства, внутренне же остается при своем мнении (Копец, 2010, с. 395). Такое поведение, как правило, свойственно человеку в ситуациях, когда он стремится избежать критики общественного мнения, при наличии угрозы того, что неодобрение возможно в случае несовпадения позиций респондента с общей позицией группы. Подвидом нормативного конформизма является «корыстный» конформизм (англ. *ingratiational conformity*). Именно в данной версии важную роль играет аспект мотивации, т.е. тех дивидендов, которые может получить индивид, скорректировав свои убеждения или поведение согласно мнению/поведению «референтной группы», нежели просто желание избежать порицания.

Целесообразность исследования конформизма и различных его видов в контексте теорий международных отношений может быть обусловлена тем, что мотивация субъекта к конформному поведению, как правило, возрастает в условиях сочетания двух факторов – неопределенности ситуации и высокой цены ошибки при принятии решения (Zollman, 2008, p. 319). Часто выбор ценностной ориентации во внешней политике как раз обусловлен их обоюдным сочетанием, притом что вес каждого фактора только усиливается в условиях неоднозначной или изменчивой конъюнктуры современной международной повестки. Перед лицом этого выбора элиты, ответственные за принятие внешнеполитических решений, будучи в состоянии аномии, демонстрируют либо нормативную конформность и следуют в своем поведении в фарватере «международного сообщества», либо информационную, что свидетельствует о глубинном усвоении ценностной программы, по законам которой организуется «бытие-в-мире» этого «международного сообщества».

Трактовка конформизма в рамках реалистской и либеральной парадигм.

В социологии международных отношений существуют множество парадигм, опираясь на которые в своем анализе теоретик может обосновать поведение государств на международной арене. Однако наиболее авторитетными по-прежнему являются *политический реализм* и *либерализм*, на рассмотрении которых мы и остановимся в формате данной статьи. Ставится задача изучить их на предмет возможности апелляции к конформизму или, если конкретнее, к различным конформистским стратегиям, на примере заложенного в этих теориях отношения к вопросам международной интеграции, поскольку данный феномен напрямую связан с аспектами подчинения государства неким наднациональным, внешним для него структурам и имеет выраженный социальный характер.

На первый взгляд, феномен интеграции крайне затруднительно исследовать в реалистском ракурсе, т.к. на уровне идеологии классический реализм подразумевает анархию на мировой арене, где суверенные государства («левиафаны») сталкиваются в борьбе за национальные интересы, а легитимность каких-либо наднациональных инстанций не признается (Цыганков, 2023). Получается, что в трактовке реалистов интеграция сопряжена с частичной или полноценной потерей национального суверенитета. Таким образом, государство встает на этот путь недобровольно, вследствие утраты независимости, исполняя волю более сильного актора на международной арене или же будучи им поглощенным. Однако в процессе развития системы мироустройства, а также усложнения дискурса международных отношений классический реализм был подвергнут переосмыслению и в итоге уступил позиции структурному и геополитическому реализму, где интеграционные аспекты уже не игнорируются.

Так, в геополитическом реализме, наиболее известными представителями которого являются Х. Макиндер и А. Мэхэн, принято оперировать концептом «морская держава» (англ. *seapower*), который отличается от классической категории «национальное государство» тем, что привносит в реалистский дискурс структурное измерение (MacKinder, 1951, pp. 30–44). Точкой отсчета внешнеполитической ориентации здесь выступает уже не отдельная единица,

каким было национальное государство в классическом реализме, своего рода коллективный индивид, а особая инстанция – ценности моря, под эгидой которого национальные элиты целостно формируют способ своего бытия-в-мире. Морской фактор играет определяющую роль в плане стратегии поведения на международной арене, это касается и заключения временных союзов, т.е. распределения на «друзей» и «врагов» в духе философии К. Шмитта, а также интеграционного компонента (Schmitt, 2007). Государства, в той или иной степени объединенные морской философией, ориентированы на сближение, в том числе с последующей интеграцией в условную морскую империю под эгидой своих лидеров – Великобритании или США. Схожий анализ интеграционных процессов, но с точки зрения философии суши, дал К. Шмитт, введя концепт «большое пространство» (нем. *Großraum*) и обосновав тем самым зависимость способа экзистирования государства от пространственных факторов².

С позиций структурного реализма, или неореализма, анархическая борьба «государств-левиафанов» в динамике своего развития тяготеет к определенной систематизации. Ярким представителем этого направления можно считать К. Уолтца. С его точки зрения, эта систематизация обычно достигается посредством установления баланса сил (англ. *balance of power*) противоборствующих сторон. Важно учитывать, что системность международных отношений имеет не юридический, а фактический характер. Соответственно, элементы ее структуры, в том числе интеграционную составляющую, следует понимать строго в этой логике – как феномены, но не как заданные свыше нормы. В качестве основополагающей системы тот же Уолтц видел именно биполярный мир в том виде, в каком он сложился во второй половине XX в. (Коньшев, 2010, с. 70). В тот период интеграция в различных своих формах (экономическая, политическая, военная и т.д.) осуществлялась вокруг двух полюсов – СССР и США. Она виделась не только возможной, но и желательной, поскольку способствовала распределению сил между полюсами, а значит, выступала гарантом стабильности и воспроизводства всей системы.

Таким образом, получается, что структурные реалисты признают ценностный приоритет глобального баланса сил и миропорядка над эгоистическими амбициями отдельных национальных государств и анархией в мировой политике. Во второй половине XX в. неореалисты призывали национальные элиты объединяться в два «семейства», каждое из которых строго следует в фарватере политики лидера своей «семьи». С их точки зрения, это была оптимально равновесная интеграционная система, но для нас важно, что с этой точки зрения возможна апелляция к конформизму как стратегии поведения государства на мировой арене: система стремилась не допустить фундаментального пересмотра *status quo* посредством сведения ценностных ориентаций субъектов политики к двум противоборствующим знаменателям.

² Дугин, А. (2014, 28 февраля). Принцип «Империи» у Карла Шмитта и Четвертая политическая теория. Информационно-политический портал «Евразия». Взято 15 июля 2023, с <http://evrazia.org/article/2464>

В рамках этой же парадигмы неореализма, но предлагая обратный взгляд на положение вещей, в качестве апологии тотального конформизма может рассматриваться теория гегемонистской стабильности Р. Гилпина (Gilpin, 1988). Согласно ее положениям, наиболее устойчивой к всевозможным кризисам системой мироустройства является однополярность, подразумевающая всестороннюю интеграцию государств вокруг единственного полюса, в статусе которого политолог видел исключительно США (р. 599). Эта интеграция должна была включать в себя не только торгово-экономические, но политические, ценностно-нормативные стороны бытия, а любая попытка проявления противоположной стратегии, через противопоставление американской гегемонии альтернативных моделей и проектов, рассматривалась как вызов «общемировому консенсусу», чреватый новой глобальной войной за передел сфер влияния.

Что касается либеральной парадигмы, то в отличие от политического реализма в постулатах классической версии либерализма проблематика конформизма может иметь, на наш взгляд, уже не имплицитный, а эксплицитный характер, а теория аксиологического онтологизма позволяет рассмотреть ценностно-нормативную сторону этой парадигмы на предмет выявления полноценной апологии конформизма. Одним из факторов, обуславливающих возможность такого рассмотрения, является убежденность либералов, что авторитет выработанных «международным сообществом» ценностей и норм должен при любых обстоятельствах превалировать над фактической силой материальных ресурсов и технологий, на которые национальные государства традиционно опираются, выстраивая свои внешнеполитические приоритеты, согласно уже рассмотренной реалистской модели. Следствием этого убеждения становится базовый для адептов теории либерализма принцип анализировать как целые структуры международных отношений, так и отдельные происходящие в них события не на основании лишь материально-фактической, объективной стороны ситуации, но с опорой на ценностно-нормативную составляющую, призванную отвечать за мотивацию субъекта международных отношений к тому или иному поведению, в том числе конформному.

Следовательно, процессы интеграции в теории либерализма могут быть органично рассмотрены через призму апелляции к ценностям конформизма. Например, в работах классика этого направления английского политика и теоретика XIX в. Р. Кобдена за его ключевой идеей свободной торговли и призывом к созданию специальных пространств для ее осуществления можно легко обнаружить попытку ценностно-нормативного подчинения ранее суверенных «государств-левиафанов» особой наднациональной инстанции (Cain, 1979). В таком качестве должна выступать экономическая империя нового типа, в роли которой Кобден видел Содружество наций (англ. *Commonwealth of Nations*) под эгидой Великобритании³. Империя призывалась регулировать отношения

³ Davies, S. (2015, January 5). *Richard Cobden: Ideas and strategies in organizing the free-trade movement in Britain*. Online Library of Liberty. Retrieved July 15, 2023, from <https://oll.libertyfund.org/liberty-matters/stephen-davies-richard-cobden-free-trade-movement>

между государствами, ограничивая их суверенитет в принятии политических решений – объявление войн или заключение мира, в обмен на возможности «фритрейдерства», т.е. свободной торговли, гарантировавшей им экономическое благополучие и процветание. В этой логике получается, что государства, которые проявляли конформизм и подчинялись решениям высшей инстанции, принуждавшей их к миру или обязывающей пересмотреть те стандарты своей внутренней политики, что не отвечали «высоким стандартам» английской демократии, в долгосрочной перспективе выигрывали у тех стран, которые отказывались сдаваться Британской империи и интегрироваться в ее структуры.

Другой теоретик классического либерализма Н. Энджел в своей книге 1910 г. «Великая иллюзия» определял международную интеграцию как один из важных этапов в ходе всеобщего замещения повестки мировой политики мировой экономикой (Angel, 2006). Согласно его взглядам, постепенный отказ от националистических амбиций современных государств должен снизить риск развязывания войн и вместе с тем повысить их национальное благосостояние, в связи с чем все государства, выразившие желание приобщиться к прогрессивному курсу, должны постепенно привести свои ценностные ориентации к единому знаменателю. Юридическая сторона осуществления этого транзита ценностей была рассмотрена в том числе в знаменитых «14 пунктах» В. Вильсона⁴ и описании логики становления так называемого мирового правительства (англ. *world government*) теоретиками Дж. Хобсоном и А. Циммерном (Peatling, 2004).

Не столько теоретические, сколько прикладные аспекты интеграции рассматривались либералами-структуралистами и функционалистами. Наибольший эвристический потенциал для рассмотрения проблематики конформизма имеет, на наш взгляд, теория функционализма, разработанная Д. Митрани (Mitranu, 1965). Политолог отмечал, что всеобщему и единовременному интеграционному процессу препятствует разный потенциал и уровень развития участвующих в нем государств, в связи с этим он предложил использовать пошаговую модель интеграции, согласно которой двигателем процесса должны выступать наиболее крупные и авторитетные акторы. Ориентируясь на успешный пример, остальные участники будут двигаться по их стопам, что должно привести к созданию когерентной интеграционной среды, включающий в себе множество акторов. Идеи Митрани были воплощены в модели строительства Евросоюза, где вокруг первичного объединения двух мощнейших и успешных государств Европы – экономического флагмана Германии и политического флагмана Франции – другие государства образовывали некий «периферийный» пояс, принимая «правила игры» референтной группы – франко-германского ядра.

В неолиберальной парадигме (Р. Киохейн, Дж. Най, Дж. Розенау) и теории глобализации (Дж. Боли, Р. Робертсон) можно обнаружить еще больше точек соприкосновения между конформизмом и интеграцией. Последняя носит здесь уже

⁴ *The fourteen points of Woodrow Wilson and the U.S. rejection of the Treaty of Versailles.* National WWI Museum and Memorial. Retrieved July 15, 2023, from <https://www.theworldwar.org/learn/peace/fourteen-points>

не сколько международный, сколько транснациональный характер – взаимодействие смещается с прежнего уровня объединения национальных государств на уровень объединения различных структур общества или даже индивидуумов. Логика этого смещения может быть объяснена тем, что унификация культур и ценностей рассматривается неоллибералами не как перспективный проект (как было в классическом либерализме), а уже во многом свершившийся факт, обсуждать который необходимо в ином ключе – его способов, методов и масштабов развертывания.

В результате в неоллиберальной парадигме дискурс мировой политики как таковой постепенно замещается дискурсом сетевого и информационного общества, ибо во вновь организованной среде границы между народами и нациями становятся условными либо вовсе преодолеваются, теряя свой прежний политический статус. Новые «границы» проводятся уже между теми, кто включился (проявляя конформизм) в глобальную сетевую интеграцию, и теми, кто еще остается за ее бортом, пребывая офлайн.

Заключение

В результате проведенного исследования мы приходим к выводу, что дискурс конформизма может стать одним из возможных способов интерпретации интеграционных процессов в современном мире, поскольку любой тип конформизма – нормативный, «корыстный» или информационный – является имманентным элементом ценностной составляющей интеграции. Однако подчеркнем, что настоящая работа выступает лишь пробным шагом на пути формирования нового подхода к осмыслению феномена международной интеграции. По этой причине в фокусе внимания были только базовые ракурсы – реалистский и либеральный, с помощью которых нами «вскрывалась» проблематика конформизма. Гипотетически этих ракурсов может быть больше, поскольку существуют и другие теории международных отношений, с помощью которых мы имеем шанс сформировать иной взгляд как на сам феномен интеграции, так и на его конформистские основания.

Реалистская и либеральная парадигмы дают основания апеллировать к различным формам конформизма. Что касается нормативной версии конформизма (в классификации Л. Манна), то на ней может быть основано представление об интеграции структурных реалистов, поскольку по канонам этой парадигмы акторы склонны включаться в интеграционные процессы в зависимости от конъюнктуры внешней среды, от внешних условий зависит и степень их вовлеченности. При этом на уровне ценностной ориентации они продолжают оперировать исключительно реалистскими категориями, т.е. никогда не поступятся суверенитетом и национальными интересами ради некоего символического «единства». Информационный конформизм, связанный с глубинным усвоением ценностной ориентации «мирового сообщества» и принятием его установок через интеграционные практики, коррелирует с (нео)либеральным подходом в международных отношениях, где ценностно-мотивационная составляющая и культурный универсализм превалируют над географическим расположением, исторической традицией и выводимыми из этого фактическими национальными

интересами. В связи с этим конформизм, будучи политической стратегией в своей «информационной версии», делает современное государство фундаментально уязвимым к внешнему воздействию, и следование ему может привести к полной потере суверенитета и национальной идентичности.

Список литературы

1. Андрамонов, Д.К. (2016). Феномены конформизма и неконформизма в контексте «критической теории». *Международный научно-исследовательский журнал*, 43(1), 104–106. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.43.102>
2. Гартман, Н. (2003). *К основоположению онтологии*. СПб.: Наука.
3. Дорофеев, Д.Ю. (Ред.). (2011). *Философская антропология Макса Шелера: уроки, критика, перспективы*. СПб.: Алетейя.
4. Дюркгейм, Э. (1995). *Социология. Ее предмет, метод, предназначение*. М.: Канон.
5. Конышев, В.Н. (2010). Американский неореализм о проблеме суверенитета. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 6(4), 66–88.
6. Копец, Л.В. (2010). *Классические эксперименты в социальной психологии*. Киев.
7. Мертон, Р. (2006). *Социальная теория и социальная структура*. М.: АСТ: Хранитель.
8. Султанов, И.Р. (2010). К вопросу о понятии международной интеграции. *Современная наука*, (1), 150–155.
9. Херрманн, Ф. (2000). *Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля*. Минск: Прописи.
10. Худякова, Н.Л. (Ред.). (2010). *Аксиологические основы поведения человека*. Челябинск: Издательство ЧелГУ.
11. Цыганков, П.А. (Ред.). (2023). *Международные отношения и мировая политика*. М.: Юрайт.
12. Чунихина, Л.Н., Косык, Д.В. (2015). Международная экономическая интеграция: предпосылки и последствия. *Евразийская адвокатура*, (5), 70–74.
13. Angel, N. (2006). *The great illusion*. Toronto: McClelland and Goodchild.
14. Cain, P. (1979). Capitalism, war and internationalism in the thought of Richard Cobden. *British Journal of International Studies*, 5(3), 229–247.
15. Gilpin, R. (1988). The theory of hegemonic war. *The Journal of Interdisciplinary History*, 18(4), 591–613. <https://doi.org/10.2307/204816>
16. Gorshenev, D.S. (2018). Values role in international relations: The Latin American vector. *Manuscript*, (11-2), 249–253. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-2.15>
17. Heidegger, M. (1989). *Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis)*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann.
18. Heidegger, M. (2001). *Being and time*. Oxford: Blackwell.

19. MacKinder, H. (1951). *The scope and methods of geography and the geographical pivot of history*. London: Royal Geographical Society.
20. Milgram, S. (1963). Behavioral study of obedience. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, 67(4), 371–378. <https://doi.org/10.1037/h0040525>
21. Mitrany, D. (1965). The prospect of integration: Federal or functional? *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 4(2), 119–149. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1965.tb01124.x>
22. Peatling, G.K. (2004). Globalism, hegemonism and British power: J.A. Hobson and Alfred Zimmern Reconsidered. *History*, 89(295), 381–398. <https://doi.org/10.1111/j.1468-229X.2004.00305.x>
23. Schmitt, K. (2007). *The concept of the political*. Chicago: The University of Chicago.
24. Zollman, K. (2008). Social structure and the effects of conformity. *Synthese*, 172(3), 317–340. <http://dx.doi.org/10.1007/s11229-008-9393-8>

References

1. Andramonov, D.K. (2016). Fenomeny konformizma i nonkonformizma v kontekste “kriticheskoy teorii” [Phenomena of conformity and non-conformity in the context of “critical theory”]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 43(1), 104–106. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.43.102>
2. Angel, N. (2006). *The great illusion*. Toronto: McClelland and Goodchild.
3. Cain, P. (1979). Capitalism, war and internationalism in the thought of Richard Cobden. *British Journal of International Studies*, 5(3), 229–247.
4. Chunikhina, L.N., & Kosyk, D.V. (2015). Mezhdunarodnaya e'konomicheskaya integraciya: predposylki i posledstviya [International economic integration: Premises and consequences]. *Evrazijskaya advokatura*, (5), 70–74.
5. Dorofeev, D.Yu. (Ed.). (2011). *Filosofskaya antropologiya Maksa Shelera: uroki, kritika, perspektivy* [Philosophical anthropology of Max Scheler: Lessons, critique, prospects]. Saint Petersburg: Aletejya.
6. Durkheim, E. (1995). *Sociologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method and design]. Moscow: Kanon.
7. Gilpin, R. (1988). The theory of hegemonic war. *The Journal of Interdisciplinary History*, 18(4), 591–613. <https://doi.org/10.2307/204816>
8. Gorshenev, D.S. (2018). Values role in international relations: The Latin American vector. *Manuscript*, (11-2), 249–253. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-2.15>
9. Hartmann, N. (2003). *K osnovopolozheniyu ontologii* [A foundation of ontology]. Saint Petersburg: Nauka.
10. Heidegger, M. (1989). *Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis)* [Contributions to philosophy (of the event)]. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann.
11. Heidegger, M. (2001). *Being and time*. Oxford: Blackwell.

12. Herrmann, F. (2000). *Ponyatie fenomenologii u Hajdeggera i Gusserlya* [Heidegger and Husserl on the concept of phenomenology]. Minsk: Propilei.
13. Khudyakova, N.L. (Ed.). (2010). *Aksiologicheskie osnovy povedeniya cheloveka* [Axiological foundations of human behavior]. Chelyabinsk: Izdatel'stvo ChelGU.
14. Konyshchikov, V.N. (2010). Amerikanskij neorealizm o probleme suvereniteta [American neorealism concerning the nature of sovereignty]. *Politicheskaya e'kspertiza: POLITE'KS*, 6(4), 66–88.
15. Kopets, L.V. (2010). *Klassicheskie e'ksperimenty v social'noj psixologii* [Classic experiments in social psychology]. Kiev.
16. MacKinder, H. (1951). *The scope and methods of geography and the geographical pivot of history*. London: Royal Geographical Society.
17. Merton, R. (2006). *Social'naya teoriya i social'naya struktura* [Social theory and social structure]. Moscow: AST & Xranitel'.
18. Milgram, S. (1963). Behavioral study of obedience. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, 67(4), 371–378. <https://doi.org/10.1037/h0040525>
19. Mitrany, D. (1965). The prospect of integration: Federal or functional? *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 4(2), 119–149. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1965.tb01124.x>
20. Peatling, G.K. (2004). Globalism, hegemonism and British power: J.A. Hobson and Alfred Zimmern Reconsidered. *History*, 89(295), 381–398. <https://doi.org/10.1111/j.1468-229X.2004.00305.x>
21. Schmitt, K. (2007). *The concept of the political*. Chicago: The University of Chicago.
22. Sultanov, I.R. (2010). K voprosu o ponyatii mezhdunarodnoj integracii [Concerning the concept of international integration]. *Sovremennaya nauka*, (1), 150–155.
23. Tsygankov, P.A. (Ed.). (2023). *Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika* [International relations and world politics]. Moscow: Yurajt.
24. Zollman, K. (2008). Social structure and the effects of conformity. *Synthese*, 172(3), 317–340. <http://dx.doi.org/10.1007/s11229-008-9393-8>

Информация об авторе

Ян Юрьевич Моисеенко, младший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4541-5854>, e-mail: yan.moiseenko@mail.ru

Information about the author

Yan Yurievich Moiseenko, Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4541-5854>, e-mail: yan.moisseenko@mail.ru
